

**Неолит и эпоха раннего металла Евразии:
культурно-хронологические комплексы, погребальные
и технологические традиции**

УДК 903'12 (571.53)«634»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.174.191>

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В НЕОЛИТЕ
БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ¹**

© 2023 г. И.М. Бердников, Н.Б. Соколова

Проведена оценка возможностей использования погребальных комплексов для изучения социокультурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири (~8,6–5 тыс. кал. л. н.). Проанализирована культурно-хронологическая схема, разработанная для среднего голоцена Предбайкалья в результате реализации «Байкальского археологического проекта» (БАП). Сделан вывод, что избирательный географический охват и недостаточное внимание к материалам стоянок, ограничили возможности интерпретации результатов БАП и привели к созданию не совсем корректной периодизации и искусственного феномена хиатуса, характеризующегося отсутствием формальных погребений в среднем неолите. Эволюционистский подход БАП обусловил характер концепции, которая подразумевает преимущественно эндогенное развитие культур Предбайкалья и не учитывает внешние факторы. Опираясь на данные корреляции материалов погребений и стоянок Байкало-Енисейской Сибири (которая в неолите представляла собой единую культурную площадь), авторы предлагают альтернативный взгляд на динамику социумов и культур местных охотников-собирателей. Согласно ему, выделяется четыре события, которые привели к существенным изменениям, и три транзитных перехода, в течение которых формировалась та или иная культурная модель. При этом авторы призывают отказаться от использования понятия «позднего мезолита» для начала среднего голоцена и предлагают объединить его ранним неолитом, а также вносят свои предложения по наполнению средненеолитического хиатуса.

Ключевые слова: археология, Байкало-Енисейская Сибирь, неолит, охотники-собиратели, погребальные традиции, гончарство, радиоуглеродное датирование, социокультурная динамика.

**SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS IN THE NEOLITHIC
OF BAIKAL-YENISEY SIBERIA:
PROBLEMS, HYPOTHESES AND FACTS²**

I.M. Berdnikov, N.B. Sokolova

An assessment was made of the possibilities of using burial complexes to study social and cultural dynamics in the Neolithic of Baikal-Yenisey Siberia (~8.6–5 ka cal BP). The cultural-chronological scheme developed for the Middle Holocene of the Cis-Baikal as a result of the implementation of the Baikal Archaeological Project (BAP) is analyzed. It is concluded that the selective geographical coverage and insufficient attention to the materials of the campsites limited the possibilities of interpreting the BAP results and led to the creation of not quite correct periodization and the artificial phenomenon of hiatus, characterized by the absence of formal burials in the Middle Neolithic. The evolutionist approach of the BAP determined the nature of the concept, which implies a predominantly endogenous development of the Cis-Baikal cultures and does not take into account external factors. Based upon the correlation data of materials from burials and campsites of Baikal-Yenisey Siberia (which in the Neolithic was a single cultural area), the authors propose an alternative view

¹ Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России, проект № FZZE-2023-0007.

² The study was carried out as a part of the implementation of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FZZE-2023-0007.

of the dynamics of societies and cultures of local hunter-gatherers. According to it, there are four events that led to significant changes and three transitions, during which one or another cultural pattern was formed, have been identified. At the same time, the authors call for abandoning the use of the concept of “Late Mesolithic” for the beginning of Middle Holocene and propose to combine it with the Early Neolithic and we also make our proposals for filling the Middle Neolithic hiatus.

Keywords: archaeology, Baikal-Yenisey Siberia; Neolithic; hunter-gatherers; burial traditions; pottery; radiocarbon dating; social and cultural dynamics.

Введение в проблему

В неолитоведении Байкало-Енисейской Сибири¹ (рис. 1), несмотря на значительную по объему и качеству источниковую базу, до сих пор нет единого мнения относительно того, какие материалы являются наиболее перспективными для культурно-хронологического моделирования. Первая концепция – для Предбайкалья² – была разработана по данным изучения погребальных комплексов (Окладников, 1950), но уже в 1970-х гг. интенсифицировались исследования многослойных голоценовых местонахождений (Горюнова, 1984; Савельев, 1989; Стратиграфия..., 1990), что привело к созданию параллельной культурно-хронологической схемы. Вопрос корректной корреляции материалов захоронений и стоянок актуален до сих пор, и виной тому несколько факторов: убежденность ряда исследователей в большей информативности погребений ввиду закрытого характера комплексов, проблемы радиоуглеродного датирования, типологии, а также геоархеологической интерпретации многослойных объектов.

В 1990-х гг. под общим руководством канадского специалиста А. Вебера начался новый этап исследований погребальных комплексов в рамках международного «Байкальского археологического проекта» (БАП), призванного решить в первую очередь проблему их хронологии, а также изучить вопросы, связанные с адаптацией охотников-собирателей среднего голоцена Предбайкалья (Weber et al., 2002, 2006, 2010, 2016, 2021). В результате использования современных исследовательских методов, включая AMS-датирование и анализ стабильных изотопов углерода и азота, была предложена культурно-хронологическая схема для позднего мезолита, неолита и раннего бронзового века, которая отличалась от схемы А. П. Окладникова и на протяжении 20 лет корректировалась вследствие расширения списка радиоуглеродных дат и их поправ-

ки с учетом пресноводного резервуарного эффекта (ПРЭ) (табл. 1).

Последняя культурно-хронологическая схема БАП легла в основу концепции развития культур охотников-собирателей Предбайкалья, построенной на основе данных по климату и растительности в совокупности с анализом адаптационных стратегий и их влияния на социальную организацию и плотность населения (Weber, 2020). Тем не менее значительная часть Байкало-Енисейской Сибири осталась вне поля зрения БАП, и этому у нас нет объяснения. Остается неясным, почему территориально проект был ограничен только Предбайкальем, включавшим четыре «микрорегиона» (Приангарье до г. Усть-Илимска, верховья р. Лены, Малое Море и юго-западный Байкал). Кроме того, нераскрытыми оказались многие аспекты социокультурной динамики, детальный анализ которых позволил бы лучше понять природу событий, определявших изменения в развитии региональных культур.

Начиная с 2020 г. мы вели работу по поиску погребений среднего неолита и наполнению hiatusа, в том числе материалами хорошо стратифицированных многослойных местонахождений. В результате было установлено, что для периода hiatusа / среднего неолита характерны археологические комплексы стоянок с керамикой усть-бельского и посольского типов³ и крайне своеобразные погребения (Бердников и др., 2021; Бердников и др., 2023).

Цель настоящего исследования – уточнение хронологии, периодизации и содержания неолита Предбайкалья и Байкало-Енисейской Сибири в целом с позиции социокультурного исследования посредством сравнительного анализа комплексов погребений и стоянок, а также с учетом материалов и данных по всей территории региона.

Материалы и методы

Источниками, используемыми в настоящей работе, служат материалы и данные по

Таблица 1. Культурно-хронологические схемы Байкальского археологического проекта по материалам погребальных комплексов неолита и раннего бронзового века Предбайкалья
Table 1. Cultural and chronological schemes of the Baikal Archaeological Project based on the materials of burial complexes of the Neolithic and Early Bronze Age in Cis-Baikal

Weber et al., 2006 г.	Weber et al., 2010 г.	Weber et al., 2016 г.	Weber et al., 2021 г.
Период, погреб. группа (традиция), кал. л. до н. э.	Период, погреб. группа (традиция), кал. л. н.*	Период, погреб. группа (традиция), кал. л. н.***	Период, погреб. группа (традиция), кал. л. н.***
Поздний мезолит, ранняя китойская, ~6800–5800	н/о, ~8800–8000	Поздний мезолит, позднемезолитическая, 8277±176 – 7503±14	Поздний мезолит, хиньская, 8630–7560
Ранний неолит, поздняя китойская, ~5800–4900	Ранний неолит, китойская и др., ~8000–6800	Ранний неолит, китойская и др., 7503±14 – 7027±33	Ранний неолит, китойская, хиньская, 7560–6660
Средний неолит, хиатус**, ~4900–4200	Средний неолит, хиатус, ~7200–5800	Средний неолит, хиатус, 7027±33 – 5571±88	Средний неолит, хиатус, 6660–6060
Поздний неолит, ранняя серовская и глазковская, ~4200–3400/3000	Поздний неолит, исаковская, серовская, ~6000–5000	Поздний неолит, исаковская и серовская, 5571±88 – 4597±76	Поздний неолит, исаковская, серовская, 6060–4970
Бронзовый век, поздняя серовская и глазковская, ~3400/3000–1000	Бронзовый век, глазковская, ~5200–3400	Ранний бронзовый век, глазковская, 4597±76 – 3726±34	Ранний бронзовый век, глазковская, 4970–3470

* В исходной схеме дается с разбивкой по микрорегионам, в настоящей таблице – в целом для Прибайкалья.

** Перерыв в погребальных традициях (отсутствие формальных захоронений).

*** С учетом поправки на ПРЭ.

неолиту Байкало-Енисейской Сибири, полученные в результате реализации БАП (Weber et al., 2002, 2006, 2010, 2016, 2021) и других проектов, направленных на изучение многослойных местонахождений и погребальных комплексов региона (Бердников и др., 2020а, 2020б; Бердников и др., 2021; Бердников и др., 2023).

В отличие от А. Вебера, концепция которого основана на эволюционистском (дарвинистском) подходе (Weber, 2020), мы попытались учесть максимальное количество факторов в общерегиональном масштабе, которые могли оказывать влияние на адаптацию неолитических охотников-собирателей Байкало-Енисейской Сибири, и выделить наиболее важные события (включая возможные экзогенные факторы), обусловившие характер формирования и смену культурных моделей.

Кроме того, ни в коем случае нельзя рассматривать Предбайкалье как изолированный регион, так как с севера и с запада он не ограничен никакими естественными преградами (хотя в субширотном и в субмеридиональном направлениях есть определенное ландшафт-

тно-климатическое разнообразие), а данные по неолиту региона в целом демонстрируют идентичную последовательность культур по всей территории Байкало-Енисейской Сибири. В периферийных районах (Канско-Енисейский, Северное Приангарье), выступающих контактными и транзитными зонами, при сохранении основных тенденций наблюдается большая вариативность культурно-технологических традиций, нежели в глубине региона. Поэтому для решения проблем культурно-хронологического порядка, в том числе хиатуса и наполнения среднего неолита, мы, в отличие от БАП, рассматриваем Предбайкалье как всего лишь один из районов единого культурного пространства на обширной территории Байкало-Енисейской Сибири.

Важнейшим инструментом настоящего исследования также выступает корреляция данных, полученных по погребениям и многослойным местонахождениям, сравнение их при помощи типологического метода и анализа радиоуглеродных дат, причем с опорой исключительно на надежные определения, полученные методом AMS.

Рис. 1. Карта Байкало-Енисейской Сибири.

Пунктиром обозначены приблизительные границы территории Предбайкалья

Fig. 1. Map of Baikal-Yenisey Siberia.

The dotted line indicates the approximate boundaries of the Cis-Baikal.

Краткая характеристика погребальных комплексов Байкало-Енисейской Сибири

Поздний мезолит (8630–7560 кал. л. н.). Наиболее ранние погребальные традиции Предбайкалья (хиньская группа) (рис. 2: А-1) представлены небольшими могильниками и отдельными комплексами на Ангаре, Малом Море и верхней Лене (Weber et al., 2021, p. 4, Table 6). Среди характерных элементов погребальной практики хиньской группы, обнаруживающих определенное разнообразие: внутри- и надмогильные каменные конструкции (не во всех случаях), ориентировка умерших головой в северном или восточном направлении, скорченное положение погребенных (реже вытянутое), локальное использование «охры»⁴. Наиболее распространенный погребальный инвентарь: призматические пластинки и орудия на них, предметы рыболовства и редкие украшения.

Ранний неолит (7560–6660 кал. л. н.).

К данному этапу отнесены погребения китайской группы на юге Предбайкалья и близких ей групп верхней Лены и Малого Моря (Weber et al., 2021) (рис. 2: А-2). Наиболее изучены первые, для которых характерны довольно крупные могильники. Погребальная практика характеризуется почти полным отсутствием могильных сооружений (за исключением редких деревянных конструкций), ориентировкой умерших головой преимущественно в северном направлении, вытянутым положением погребенных, наличием некоторого числа парных и групповых захоронений (в том числе с ориентацией умерших в противоположных направлениях), использованием большого количества «охры» и в редких случаях бересты. Среди характерного инвентаря: каменные стерженьки составных рыболовных крючков, каменные орудия (наконечники стрел, острия,

Рис. 2. Материалы погребальных комплексов и керамика стоянок: А-1 – позднемезолитическая хиньская группа погребений; А-2 – ранненеолитические (китайская и др.) группы погребений; А-3 – ранняя сетчатая и хайтинская (шнуровая) керамика (адаптировано по: Окладников, 1950; Герасимов, 1955; Базалийский, 2012; Лохов и др., 2013; Георгиевская, 1989; Базалийский и др., 2006, 2016; Бердников и др., 2017а, 2017б; Бердников, 2018; Савельев, Уланов, 2018; 2019); Б-1 – погребения среднего неолита; Б-2 – средненеолитическая керамика усть-бельского, посольского и аплинского типов (адаптировано по: Окладников, 1949; Дзюбас и др., 1996; Бердникова, 2013; Савельев, Уланов, 2018; Бердников и др., 2017а, 2023); В-1 – поздненеолитические исаковская и серовская группы погребений (без масштаба), В-2 – поздненеолитическая серовская и пунктирно-гребенчатая керамика (адаптировано по: Окладников, 1950; Базалийский, 2012; Долганов и др., 2011; Герман, Леонтьев, 2012; Бердников и др., 2017а; Уланов, 2022).

Fig. 2. Materials of burial complexes and ceramics from campsites: A-1 – Late Mesolithic Khin burial group; A-2 – Early Neolithic (Kitoi and other) burial groups; A-3 – Early net-impressed and Khaita (corded) ceramics (adapted according to: Okladnikov, 1950; Gerasimov, 1955; Bazaliyskiy, 2012; Lokhov et al., 2013; Georgievskaya, 1989; Bazaliyskiy et al., 2006, 2016; Berdnikov et al., 2017a, 2017b; Berdnikov, 2018; Savelyev, Ulanov, 2018; 2019); B-1 – Middle Neolithic burials; B-2 – Middle Neolithic ceramics of the Ust-Belaya, Posolskaya and Aplinskaya types (adapted according to: Okladnikov, 1949; Dzyubas et al., 1996; Berdnikova, 2013; Savelyev, Ulanov, 2018; Berdnikov et al., 2017a, 2023); C-1 – Late Neolithic Isakovo and Serovo burials groups (without scale), V-2 – Late Neolithic Serovo and dotted-comb ceramics (adapted according to: Okladnikov, 1950; Bazaliiskii, 2012; Dolganov et al., 2011; German, Leontiev, 2012; Berdnikov et al., 2017a; Ulanov, 2022).

ножи и тесла, преимущественно из зеленого нефрита, и др.), костяные изделия (обоймы составных орудий, гарпуны, немногочисленные находки костяных обкладок лука), украшения (каменные кольца, различные бусины, подвески из кости и зубов животных), немногочисленные изделия из белого нефрита, костяные зооморфные (преимущественно головы лосей) и ихтиоморфные скульптурные изображения, а также одно антропоморфное. Помимо прочего, в могилах изредка встречаются сетчатые керамические сосуды (то есть с оттисками плетеной сетки на внешней поверхности) или их фрагменты. Погребальные группы верхней Лены и Малого моря во многом близки китойской, однако обнаруживают большую вариативность погребального обряда и инвентаря и представлены более мелкими могильниками или отдельными захоронениями. В двух могилах отмечены находки хайтинской (шнуровой) керамики.

Средний неолит (6660–6060 кал. л. н.). В схеме БАП этот этап характеризуется отсутствием археологически видимых захоронений в Предбайкалье (Weber, 2020). Однако в результате реализации нашего проекта удалось выделить немногочисленную группу на территории Красноярска, Северного и Южного Приангарья (р. Чуна и устье р. Илир) и верхней Лены (рис. 2: В-1), которая по данным AMS-датирования частично наполняет образовавшийся в Предбайкалье хиатус (Бердников и др., 2023). Среди основных элементов погребальной практики этой группы: отсутствие могильных конструкций, ориентация умерших головой нередко в восточном направлении и их вытянутое положение, ритуальные действия с использованием огня и «охры» и как минимум в двух случаях – парциальный характер захоронений. Наиболее характерными предметами инвентаря выступают: листовидные наконечники стрел, бусины из раковин, подвески из кости

и зубов животных, подвески с изображениями водоплавающих птиц, а также сосуды устьбельского типа и их фрагменты. Уникальной находкой следует считать костяной наконечник стрелы с биконической головкой шигирского типа.

К среднему неолиту хронологически также относятся некоторые погребения с могильниками в устье р. Зелинда Северном Приангарье (Марченко и др., 2022), для которых характерно наличие могильных конструкций, ориентировка умерших головой в южном направлении (вверх по течению реки), вытянутое их положение и использование в ритуале «охры». Погребальный инвентарь представлен изогнутым каменным ножом и подвесками из кости и зубов животных.

Еще одно погребение (к сожалению, сильно разрушенное), которое по результатам датирования четко ложится в период хиатуса, происходит с могильника Шумилиха в Южном Приангарье (Бердников, Горюнова, 2022).

Поздний неолит (6060–4970 кал. л. н.). Данный этап представлен двумя погребальными группами – исаковской и серовской (Weber et al., 2021) (рис. 2: С-1).

Для исаковской группы, локализованной на Ангаре, характерны небольшие и средние могильники. Характерными элементами погребальной практики являются: каменные могильные сооружения, ориентировка умерших головой в южном направлении (вверх по течению реки), вытянутое положение погребенных, наличие некоторого числа групповых захоронений и отсутствие следов «охры» в большинстве случаев. Инвентарь представлен такими категориями, как каменные орудия (наконечники стрел, крупные бифасиально обработанные изделия, топоры, тесла, ножи и др.), изделия из кости и рога (обоймы составных орудий, остря, гарпуны), редкие

подвески из зубов животных и рыболовные снасти, предметы мелкой пластики, в том числе с антропоморфными изображениями. Во многих погребениях встречены сетчатые керамические сосуды.

Серовская группа погребений по некоторым признакам (размеры могильников, наличие могильных конструкций, парных и групповых захоронений, положение погребенного в могиле) близка исаковской, при этом ее ареал в Предбайкалье, помимо Ангары, включает верхнюю Лену и Малое Море. Среди отличий: ориентировка умерших перпендикулярно береговой линии водоемов, а также локальное использование «охры» и в отдельных случаях огня и бересты. Набор характерных погребальных предметов включает: близкие исаковским каменные топоры и тесла, костяные составные орудия, каменные орудия (наконечники стрел, кинжалы, ножи, бифасиально обработанные наконечники копий), костяные накладки лука, редкие рыболовные снасти (костяные гарпуны, крючки, каменные рыбки-приманки) и подвески из зубов животных. Как и в исаковских погребениях в серовских нередко встречаются керамические сосуды, в том числе с сетчатые, однако морфологически они отличаются.

Корреляция

Для корреляции материалов погребений и стоянок охотников-собирателей можно использовать разные категории находок, но начиная с неолита наиболее информативными изделиями, как известно, служат керамические сосуды. Хронология керамических комплексов для Байкало-Енисейской Сибири разработана сегодня довольно неплохо (Бердников и др., 2020б). AMS-дат для них на порядок меньше, чем для погребений, но благодаря наличию в регионе нескольких десятков хорошо изученных многослойных местонахождений, последовательность в целом выглядит достаточно надежной.

Наиболее древняя керамика региона – ранняя сетчатая (то есть с оттисками плетеной сетки) и хайтинская (с оттисками шнура) – появляется в регионе уже около 8,4 тыс. кал. л. н. (рис. 2: А-3) По морфологическим и технологическим признакам сосуды этих групп⁵ крайне близки и бытовали вплоть до ~7 тыс. кал. л. н. Обращаясь к хронологии погребальных комплексов, мы видим, что гончарство на территории Байкало-Енисейской

Сибири возникает практически синхронно погребальным комплексам, которые в рамках БАП были отнесены к позднему мезолиту, однако ни в одной могиле сосуды или их фрагменты не найдены. В раннеолитических погребениях керамика изредка встречается, причем как сетчатая (преимущественно), так и хайтинская. При этом по материалам стоянок мы не видим каких-то особых отличий сосудов «позднемезолитического» этапа от «раннеолитического» в схеме БАП.

С этапом среднего неолита, то есть хиатуса по БАП, мы связываем распространение в регионе керамики трех типов – устьбельского, посольского и аплинского⁶ (рис. 2: В-2). Радиоуглеродные данные, полученные для них, демонстрируют для Южного Приангарья интервал ~6,7–6,3 тыс. кал. л. н., для Северного Приангарья (по данным анализа только устьбельских комплексов) – ~7,4–7 тыс. кал. л. н. Однако в последнем случае показатели возраста, вероятно, несколько удревнены, так как в качестве образцов выступал нагар (пищевая корка) с внутренних стенок сосудов, что в свою очередь не исключает в целом более раннее появление (около 7 тыс. кал. л. н.) керамики устьбельского типа в Северном Приангарье. Посольская керамика байкальского побережья абсолютно синхронна таковой из Южного Приангарья, а якобы древний ее возраст в Красноярско-Канской лесостепи пока не подтверждается.

Учитывая, что позднеолитическая керамика появляется на стоянках практически одновременно с началом формирования исаково-серовской группы погребений (см. ниже), можно предположить, что устьбельский и посольский типы бытовали на территории региона вплоть до этого времени, до есть как минимум до ~6 тыс. кал. л. Этому не противоречат данные датирования группы погребений, которые мы относим к среднему неолиту. Кроме того, как указано выше, в некоторых из этих комплексов есть находки устьбельской керамики: в двух погребениях – целые сосуды, еще в одном случае фрагменты сосудов данного типа были найдены в границах могильной полуразрушенного погребения (см. подробнее: Бердников и др., 2023). То есть изученная нами группа скорее всего была оставлена носителями устьбельской гончарной традиции. Погребения с посольской керамикой нам пока не известны.

Возвращаясь к погребениям с усть-бельской керамикой, можно также отметить комплекс со стоянки Посольская на юго-восточном Байкале, раскопанный в 1989 г.⁷ Формально эта территория не входит в Байкало-Енисейскую Сибирь, однако факт наличия керамического сосуда усть-бельского типа в могиле позволяет связывать это захоронение со средне-неолитическими комплексами рассматриваемого нами региона. Полученная недавно по кости человека дата, которая продемонстрировала возраст ~6,3 тыс. кал. л. н., дает основание предполагать существование керамики усть-бельского типа в районе Байкала в финале среднего или даже в начале позднего неолита.

В позднем неолите на стоянках отмечаются преимущественно находки серовских и близких им по форме и технологическим особенностям пунктирно-гребенчатых сосудов (рис. 2: С-2). В хронологическом отношении они хорошо коррелируют с погребальными комплексами позднего неолита, так как время их бытования определено в рамках ~5,8–4,6 кал. л. н. Правда, надежные данные имеются пока только для Малого Моря. Исаковская керамика крайне редко встречается в материалах стоянок. В частности, для Южного Приангарья отмечена находка только одного сосуда в поздне-неолитическом слое 3 местонахождения Усть-Хайта (Уланов, 2022, рис. 72: 1).

Обсуждение

Анализируя результаты корреляции материалов погребений и стоянок, обратимся сперва к содержанию концепции А. Вебера (Weber, 2020), которая предполагает сильную зависимость социокультурной динамики в неолите Предбайкалья от условий обитания в постоянно меняющейся ландшафтно-климатической обстановке среднего голоцена. И главным фактором, по мнению автора, были пространственно-хронологические изменения в сочетании бореального леса (тайги) и открытых ландшафтов, которые формировали адаптационный отклик у местного населения. Однако не со всеми положениями этой концепции можно согласиться.

Во-первых, для определения причинно-следственных связей между условиями обитания и культурными изменениями на большой территории в течение короткого хронологического промежутка среднего голоцена, необходимо наличие множества подробных записей

по ландшафтно-климатическим обстановкам. Но существующие разработки (напр. Tarasov et al., 2017) позволяют составить пока довольно общее представление об окружающей среде и только по ограниченной территории вокруг Байкала.

Во-вторых, схема и периодизация БАП, если сравнивать их с материалами стоянок, выглядят не во всех отношениях корректно. В частности, вопрос возникает относительно правомерности выделения поздне-мезолитического этапа. Если в качестве основного критерия для неолита мы принимаем такой традиционный для сибирской археологии признак, как появление керамики, то уже как минимум с ~8,4 тыс. кал. л. н. на территории Предбайкалья отмечаются первые свидетельства использования местным населением гончарной технологии. И отсутствие керамики в могилах так называемого позднего мезолита ни в коем случае не указывает на отсутствие знаний об этой технологии у представителей малочисленной хиньской группы. Современные данные прямо указывают на синхронность комплексов стоянок с ранней сетчатой и хайтинской керамикой как с поздне-мезолитическими, так и ранне-неолитическими погребениями. Нет также никаких оснований говорить о какой-то преемственности между ранним мезолитом и поздним, как это утверждает А. Вебер (Weber, 2020, р. 7). По нашему мнению, оба этих этапа, выделенных в рамках БАП, следует относить к единому этапу раннего неолита.

В-третьих, вызывают вопросы такие положения, как появления лука около 7,5 тыс. л. н., который, по мнению А. Вебера, сыграл решающую роль для увеличения численности населения, что позволило китойцам высвободить рабочие руки и приступить к интенсивному рыболовству (Weber, 2020, р. 8–9). Однако по материалам многослойных стоянок мы видим, что наконечники стрел появляются комплексах, датируемых ~8,4–8 тыс. кал. л. н. (напр. Холмушино 3, Усть-Хайта в Южном Приангарье). Отдельные их экземпляры встречены и в погребениях хиньской группы. Возможно, эта технологическая новация появилась в регионе даже раньше, но пока надежных данных для окончательных выводов недостаточно.

В-четвертых, что самое важное, географическая избирательность и эволюционистский подход серьезно ограничили возможности

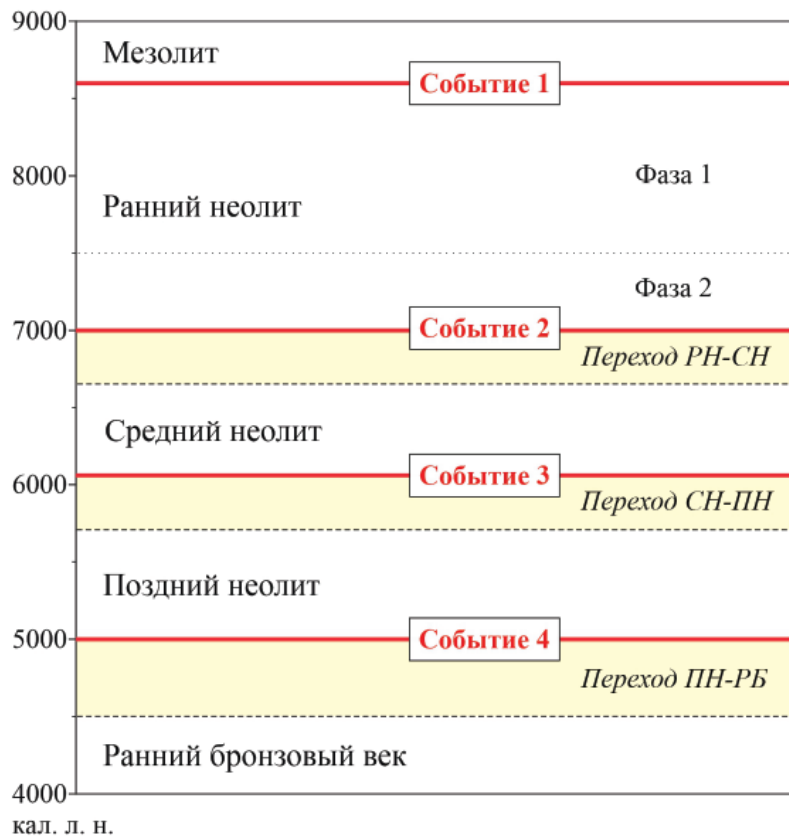

Рис. 3. Социокультурная динамика в неолите Байкало-Енисейской Сибири (схема).

Fig. 3. Social and cultural dynamics in the Neolithic of Baikal-Yenisey Siberia (scheme).

интерпретации результатов исследований БАП. Концепция А. Вебера строится исключительно на материалах Предбайкалья и совершенно не учитывает общерегиональное разнообразие и факторы внешнего влияния, от чего складывается впечатление, что население Предбайкалья на протяжении всего среднего голоцена (от позднего мезолита до раннего бронзового века в схеме БАП) развивалось само по себе и только в границах обозначенного района, а смена культурных моделей и паттернов – не что иное, как следствие адаптации местных групп охотников-собирателей к увеличению или сокращению площади бореального леса и, соответственно, к ресурсному обеспечению. Недостаток внимания к материалам многослойных стоянок и данным по другим районам Байкало-Енисейской Сибири привел к формированию искусственного феномена хиатуса в среднем неолите, который поначалу даже пытались объяснить отсутствием человека в Предбайкалье на протяжении нескольких сотен лет (Weber et al., 2002, p. 286–287). Однако наши исследования продемонстрировали, что эта проблема вполне решаема

(Бердников и др., 2021; Бердников и др., 2023).

Таким образом, можно констатировать, что использование данных по погребальным комплексам без учета их корреляции с результатами изучения стоянок в совокупности с территориальным ограничением исследований может сформировать не совсем корректное представление о социокультурной динамике.

Опираясь на максимально возможное количество современных данных, мы предлагаем собственный взгляд на характер социокультурных процессов, имевших место в Предбайкалье и Байкало-Енисейской Сибири (рис. 3):

1. Около ~8,6 тыс. кал. л. н. на территории Предбайкалья появляется население, которому принадлежат немногочисленные погребальные комплексы, включенные по результатам БАП в хиньскую группу (*Событие 1*). Судя по всему, оно уже владело технологией производства керамических сосудов и пользовалось луком. Это подтверждают данные по стоянкам Приангарья вплоть до северных его районов. Именно с этого времени и

следует вести отчет неолиту, а интервал до возникновения китойской культурной модели фактически является Фазой 1 раннего его этапа. Формирование раннеолитической культурной модели Фазы 1 наверняка заняло какой-то промежуток времени, но какова была его продолжительность, нам неизвестно, так как источники по предшествующему периоду мезолита малоинформативны для корректного сравнительного анализа. При этом нет никаких причин утверждать, что ее сложение шло исключительно на основе местного мезолитического компонента. Скорее всего культурная ситуация изменилась в результате миграционных импульсов с востока и юго-востока (то есть с территорий Забайкалья, Монголии и Северного Китая), в пользу чего свидетельствует распространение в регионе шнуровой керамики.

2. В течение последующих почти тысячи лет численность раннеолитического населения постепенно увеличивалась, в том числе благодаря использованию лука, и шло формирование наиболее яркого регионального явления – китойской культурной модели, которая окончательно сложилась около 7,5 тыс. л. н. Она подразумевала, в частности, довольно компактное расселение китойцев (родовая организация?) на ограниченной площади юга Приангарья и юго-западного Прибайкалья, высокую роль лидеров, существенную социальную дифференциацию, использование интенсивного рыболовства и организацию крупных могильников, выступавших, судя по всему, маркерами территории их обитания. Близкие китойцам в культурном отношении, но менее однородные и, видимо, более мелкие раннеолитические группы осваивали территории верхней Лены, западного побережья Байкала и Северного Приангарья. Китойское время, то есть относительно короткий интервал в пределах ~7,5–7 тыс. л. н., мы соотносим с Фазой 2 раннего неолита.

3. Около 7 тыс. л. н., по данным погребальных комплексов, отмечается начало упадка китойской модели, которое было обусловлено определенными событиями (*Событие 2*). И на наш взгляд, это было связано не только изменением ландшафтно-климатических условий (если они вообще играли существенную роль). В это время, по материалам стоянок, на территорию Байкало-Енисейской Сибири

проникают новые группы охотников-собираателей, и наиболее мощный импульс, судя по всему, был с запада, что выразилось в итоге в формировании усть-бельской гончарной традиции с сосудами гребенчато-ямочной и накольчатой орнаментации. Это были, очевидно, многочисленные, при этом относительно мелкие группы (большие или малые семьи), о чем свидетельствует наличие множества археологических объектов с находками керамики данного типа. Высокая мобильность и, вероятно, более гибкая система адаптации с более развитыми охотничьими стратегиями (без интенсивного рыболовства), нежели у раннеолитического населения Байкало-Енисейской Сибири, позволила им довольно быстро расселиться по всей Ангаре с притоками и освоить наиболее ресурсоемкие экологические ниши. Китойцы оказались не готовы к натиску быстро передвигавшихся и, возможно, довольно агрессивных новых групп населения, и, не выдержав конкуренции, покинули регион или как минимум наиболее обжитые его районы. Остальные раннеолитические группы также постепенно исчезают, во всяком случае в своем традиционном виде.

У пришельцев, вследствие особой социальной структуры, возможно, не было четко регламентированного паттерна по организации формальных участков для захоронений, поэтому мы пока обладаем фрагментарными сведениями о погребальных традициях данного населения. Тем не менее нам уже известны некоторые захоронения, обнаруживающие определенную связь с урало-западно-сибирским регионом, которые можно связать с носителями усть-бельской гончарной традиции. Они пока заполняют не весь хиатус, но нам кажется, что решение этой проблемы – вопрос времени⁸.

Другой вероятный импульс мог идти с севера, о чем говорит широкое распространение в Северном Приангарье керамики аплинского типа, находящего некоторые аналогии с сетчатой керамикой сылахской культуры Якутии, которая практически синхронна среднеолитическим комплексам Байкало-Енисейской Сибири (Алексеев, Дьяконов, 2009). Но пока этому нет надежных подтверждений, мы не будем исключать и другую гипотезу, согласно которой аплинский тип керамики мог сформироваться под влиянием усть-бельской гончарной традиции в среде североангарского насе-

ления, связанного своим происхождением с местным ранне-неолитическим (см. подробнее: Бердников и др., 2017а).

Еще один культурный процесс, протекавший на начальном этапе среднего неолита в регионе, характеризуется появлением сосудов посольского типа. Сложение этой традиции, близкой по ряду признаков хайтинской и не имеющей более ранних аналогов на сопредельных территориях, произошло, вероятно, в среде местного ранне-неолитического населения. Нам пока ничего неизвестно о его погребальном обряде и социальной структуре, однако по материалам стоянок прослеживается факт, что с так называемыми усть-бельцами они довольно успешно делили территории обитания, хотя последние явно доминировали в регионе.

Формирование культурной модели данного этапа (вернее, мультикультурной модели, если сравнивать ее с более однородным в этом отношении ранним неолитом) завершилось около ~6,7 тыс. кал. л. н., что маркирует верхнюю хронологическую границу перехода от раннему к среднему неолиту (*Переход РН-СН*).

4. Около 6 тыс. кал. л. н. ситуация в регионе снова начинает меняться, что связано с возникновением поздне-неолитических погребальных (исаковской и серовской) и гончарных (исаковские, серовские и пунктирно-ребенчатые сосуды) традиций (*Событие 3*). В целом для населения данного этапа, представленного небольшим числом мелких и средних групп, отмечается более низкая социальная дифференциация (Weber, 2020, р. 12–14), но нас больше интересует вопрос его происхождения.

Концепция А. Вебера предполагает преимущественно эволюционное развитие культур Предбайкалья и подразумевает участие более ранних из них в сложении более поздних. При этом, как мы отметили выше, возможное инокультурное влияние в расчет практически не принимается. Обращаясь к характеру материальной культуры поздне-неолитических групп, можно отметить некоторые элементы, близкие ранне-неолитическим. Среди них, в первую очередь, широкое распространение сетчатого технического декора на керамических сосудах. Однако во всех ли случаях это можно рассматривать как внутрорегиональную преемственность? Исаковские сосуды

наиболее близки в морфологическом отношении к ранним сетчатым, но исаковская погребальная традиция довольно своеобразна. Учитывая последние данные и преимущественную локализацию исаковских могил в долине Ангары, сложение этой традиции, возможно, действительно связано с ранне-неолитическим населением, но вряд ли с китойцами, обитавшими на юге региона. Скорее всего, это происходило в районах Северного Приангарья, которое не попало в поле зрения БАП. На это, в частности, указывают результаты радиоуглеродного датирования некоторых погребений в устье р. Зелинда, которые хронологически относятся к среднему неолиту, а авторами раскопок названы «протоисаковскими», так как обладают многими признаками, характерными для исаковской погребальной традиции (Марченко и др., 2022). Не исключено, что в этом процессе участвовали группы населения более северных районов Средней Сибири, где в среднем неолите (по нашей хронологии) была распространена сетчатая керамика. Они же могли внести определенный вклад в формирование близких и синхронных исаковцам серовских коллективов, в среде которых также практиковалось производство сосудов с оттисками плетеной сетки.

То есть некоторые поздне-неолитические традиции региона теоретически могли формироваться на основе местных ранне-неолитических, следы которых на промежуточном этапе несколько теряются, чему виной, видимо, слабая изученность отдельных районов Байкало-Енисейской Сибири. Однако есть большая вероятность миграционного притока с сопредельных территорий Средней Сибири, в заселении которых, в свою очередь, могли участвовать китойцы и родственные им группы раннего неолита. Оказали ли влияние на формирование поздне-неолитической культурной модели традиции среднего неолита, пока не понятно. Но появление у серовцев сосудов, украшенных пунктирно-ребенчатым штампом и ямками может выступать косвенным свидетельством определенных их контактов с носителями усть-бельской гончарной традиции.

Переход от среднего неолита к культурной модели позднего неолита (*Переход СН-ПН*) также, как и на предыдущем этапе, произошел не мгновенно, а продолжался вплоть до ~5,8–5,7 тыс. кал. л. н.

5. Завершение неолита мы связываем с *Событием 4*, которое произошло около 5 тыс. кал. л. н. В это время в регионе появляются новые погребальные (в частности, глазковская) и гончарные (сосуды с «рубчатым» техническим декором и «жемчужинами») традиции, а также первые металлические изделия.

Разделяя убеждение А. Вебера, что появление металла не вызвало значительного социально-экономического эффекта в раннем бронзовом веке, все же попробуем дать этому явлению свою оценку. А. Вебер считает большинство металлических изделий этого времени импортными, а людей, отвечавших за их транспортировку, довольно влиятельными персонами (Weber, 2020, p. 14–16). При этом вопрос происхождения металла обходит стороной, однако, с нашей точки зрения, решение этой проблемы позволило бы получить более достоверные сведения о генезисе населения этого этапа. Несмотря на то, что А. Вебер предлагает рассматривать поздне-неолитические и раннебронзовые паттерны в совокупности в силу их временной преемственности и даже некоторого сходства (Weber, 2020, p. 12), мы видим, что *Событие 4* привело в итоге к формированию самобытной и неоднородной культурной модели, что выражается в своеобразной ориентировке умерших глазковцев, распространении традиции «скорченных захоронений» (шумилихинская группа) и использовании иных типов орудий и украшений, в том числе множества изделий из белого нефрита, что не характерно для неолита Байкало-Енисейской Сибири (исключая несколько находок в китайских погребениях). Учитывая эти факты, как и наличие отдельных металлических предметов, можно предположить, что около 5 тыс. кал. л. н. в регион проникают новые группы населения, которые, если и не полностью вытеснили поздне-неолитические, в любом случае способствовали сложению новой культурной модели. В качестве наиболее вероятных территорий миграционного импульса непосредственно в Предбайкалье следует рассматривать территории Забайкалье, а также Северного Китая, где в неолите уже существовало множество развитых «нефритовых» культур (Яншина, 2021). При этом культуры западной части Байкало-Енисейской Сибири на протяжении раннего бронзового века демонстрируют большее

разнообразие вследствие наличия контактов с населением Западной Сибири.

Формирование культурной модели раннего бронзового века, начавшееся в финале позднего неолита, то есть ~5 тыс. кал. л. н., завершилось около 4,6–4,5 тыс. л. н. (*Переход ПН-РБ*).

Такой в общих чертах нам видится картина социокультурной динамики в неолите Байкало-Енисейской Сибири, хотя многие вопросы пока остаются без ответа. Например, не совсем понятно, были ли какие-то серьезные изменения ландшафтно-климатических условий на этапе позднего неолита, и если были, то какое влияние они оказали на адаптацию и социокультурную организацию охотников-собирателей этого и последующего этапов? Работы палинологов и археологов (Tarasov et al., 2017; Weber, 2020) однозначного ответа не дают. Многое еще предстоит выяснить относительно происхождения и взаимоотношений различных групп населения Байкало-Енисейской Сибири, в частности, откуда пришли и куда исчезли китойцы, каков характер связей средне-неолитического населения с культурами урало-западносибирского региона, какова роль охотников-собирателей Якутии и местных ранне-неолитических групп в формировании культурной модели позднего неолита, и, наконец, каков все же генезис населения раннего бронзового века, появление которого проводит условную черту между каменным веком и эпохой металла. Палеогенетические данные по Предбайкалью, которые могли бы снять некоторые вопросы, пока довольно фрагментарны (Moussa, 2015).

Заключение

Погребальные комплексы, безусловно, выступают ценнейшим источником информации по изучению сообществ древних охотников-собирателей, который при достаточной обеспеченности многочисленными и качественными материалами позволяет не только разрабатывать надежные хронологические модели, но и тщательно исследовать такие аспекты жизнедеятельности, как адаптация, социально-экономическая организация и миграции. Однако для создания адекватных моделей социокультурного характера одних данных по погребениям все же недостаточно, так как «за кадром» остаются многие стороны хозяйственной и символической деятельности, а также характер структуры расселения, то есть простран-

ственной организация поселений и временных стоянок в микро- и макрорегиональном масштабе.

Настоящее исследование демонстрирует, что корреляция данных по погребениям и стоянкам с использованием сравнительного анализа материалов, в том числе с учетом информации по сопредельным регионам, предлагает более широкие возможности интерпретации и позволяет выйти на достаточно высокий уровень историко-культурной реконструкции. Предлагаемая нами модель социокультурной динамики для неолита Байкало-Енисейской Сибири учитывает прак-

тически все последние данные и может быть использована в качестве современной рабочей концепции. Уточнять ее следует не только пополнением источниковой базы, но и при помощи широкого применения современных исследовательских методов, в том числе радиоуглеродного датирования и анализа древней ДНК. Особое внимание при этом следует уделять северной и западной периферии региона, где ситуация, особенно в среднем и позднем неолите, была более динамичной вследствие значительного «культурного давления» с сопредельных территорий Западной Сибири и Якутии.

Примечания:

¹ Под Байкало-Енисейской Сибирью понимается территория юга Средней Сибири от Енисея до Байкала, включая юго-западную секцию Байкальского рифта с Тункинской долиной и Окинское плато Восточного Саяна.

² Предбайкалье включает долину р. Ангары с притоками от истока на юге до примерно г. Усть-Кута, верхненеленские районы примерно до г. Киренска и юго-западное Прибайкалье.

³ Сейчас с этим этапом мы связываем и появление керамики аплинского типа.

⁴ Здесь и далее под «охрой» понимается красящие минеральные пигменты различного происхождения, преимущественно растертого гематита.

⁵ Как тип выделяется только хайтинская, сетчатая керамика более вариативна.

⁶ Керамика аплинского типа была выделена сравнительно недавно и встречена пока только на стоянках Приангарья, преимущественно Северного, а погребальные комплексы с ней еще не выявлены.

⁷ Раскопки проведены отрядом Иркутского государственного университета (ИГУ) под руководством А. А. Хамзина и при участии одного из авторов настоящей статьи – И. М. Бердникова. Материалы полностью никогда не публиковались и хранятся в фондах ИГУ.

⁸ В Северном Приангарье известен ряд погребений, культурная принадлежность которых пока под вопросом. Например, до сих пор непонятно, с какими погребальными традициями и комплексами стоянок можно соотнести неолитические захоронения интереснейшего могильника Сосновый Мыс (Савельев и др., 2020). Радиоуглеродные даты, полученные для него, в том числе по нашему проекту, указывают на этап раннего неолита, при этом совокупность элементов погребальной практики не позволяет его с уверенностью отнести к китойской или какой-то другой близкой ей группе. Учитывая высокую вероятность удревнения имеющихся определений по антропологическим образцам из-за ПРЭ, в реальности эти комплексы могут относиться как к финалу раннего неолита, так и к началу среднего.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ, 2012. С. 43–101.

Базалийский В.И., Ливерс А.Р., Хаверкорт К.М., Пежемский Д.В., Тютрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В. Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ 2006. С. 80–103.

Базалийский В.И., Тетенькин А.В., Харинский А.В. Иркутск археологический // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. Т. 16. С. 8–27.

Бердников И.М. Особенности декорирования усть-бельской керамики (по материалам поселения Усть-Белая) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 123–127.

Бердников И.М. Неолит Прибайкалья: история одной дискуссии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 3–45. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.3

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. 2017а. № 2. С. 275–300.

Бердников И.М., Rogovskoy E.O., Lohov D.H., Кузнецов А.М., Козгай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И. В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // *Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. 2017б. Вып. 6. С. 220–230.

Бердников И.М., Горюнова О.И. Первые данные для средне-неолитических погребальных комплексов Южного Приангарья (сообщение) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2022 Т. 40 С. 3–11. DOI: 10.26516/2227-2380.2022.40.3

Бердников И.М., Крутикова К.А., Дударёк С.П., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б. К проблеме хиатуса – перерыва в погребальных традициях неолитического населения Прибайкалья // *Актуальные проблемы науки Прибайкалья / Отв. ред. И.В. Бычков, А.Л. Казаков. Иркутск: ИГУ, 2020а. С. 15–20.*

Бердников И.М., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Соколова Н.Б., Абрашина М.Е., Крутикова К.А., Rogovskoy E.O., Lohov D.H., Козгай С.А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2020б. Т. 33. С. 23–53. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23

Бердников И.М., Крутикова К.А., Дударёк С.П., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б. К вопросу о среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. № 1. С. 33–55.

Бердников И.М., Макаров Н.П., Савенкова Т.М., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б., Ким А.М., Райх Д. Средне-неолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 51. № 1. 2023. С. 42–51.

Бердникова Н.Е. Шигирский наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2013. № 1 (2). С. 156–173.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) / *Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXVIII. М.: АН СССР, 1955. 584 с.*

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) // *Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. 2012. Вып. 1. С. 78–85.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Дзюбас С.А., Абдулов Т.А., Друлис М.В. Погребение с зооморфными изображениями из Усть-Илирского могильника // *Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование*. Вып. 1 / Гл. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1996. С. 47–56.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Пунктирно-гребенчатая керамика и ее место в неолите Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10 (3). С. 84–91.

Лохов Д.Н., Rogovskoy E.O., Дударёк С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2013. № 1 (2). С. 116–132.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Кербс Е.А. Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 50. № 3. 2022. С. 16–28.

Окладников А.П. Неолитическое погребение на Афонтовой горе // *КСИИМК. Вып. XXV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 7–13.*

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Части 1 и 2 / *МИА. № 18. М.; Л.: АН СССР, 1950. 412 с.*

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 26. С. 46–85. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.46

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.38

Савельев Н.А., Дударёк С.П., Тимощенко А.А., Лохов Д.Н. Могильник Сосновый Мыс в Северном Приангарье: анализ погребального обряда и результаты радиоуглеродного датирования // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 3–37. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.3

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск: ИГУ, 1990. 165 с.

Уланов И.В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции. Дисс. ... канд. ист. наук. Том II. Приложения. Иркутск, 2022. 118 с.

Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в Китае. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 418 с.

Moussa N. Maternal and paternal polymorphisms in prehistoric Siberian populations of Lake Baikal. PhD. dissertation. Edmonton, 2015. 262 p.

Tarasov P.E., Bezrukova E.V., Müller S., Kostrova S.S., White D. Climate and Vegetation History // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / Eds. R.J. Losey, T. Nomokonova. Mainz (DE): Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2017. P. 15–26.

Weber A.W. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Combined impacts of the boreal forest, bow-and-arrow, and fishing // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 24. P. 100–222.

Weber A.W., Link D.W., Katzenberg M.A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2002. Vol. 21. P. 230–299.

Weber A.W., Beukens R.R., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Saveliev N.A. Radiocarbon dates from Neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in Cis-Baikal region of Siberian // Radiocarbon. 2006. Vol. 48, N 1. P. 127–166.

Weber A.W., McKenzie H.G., Beukens R. Radiocarbon dating of middle Holocene culture history in Cis-Baikal // Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Lifeways / Eds. A.W. Weber, M.A. Katzenberg, T.G. Schurr. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010. P. 27–49.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.003

Weber A., Bronk Ramsey C., Schulting R.J., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I. Middle Holocene hunter-gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Chronology and dietary trends // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 25. Art. n. 100234. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100234

Информация об авторах:

Бердников Иван Михайлович, кандидат исторических наук, зам. директора НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); geoarch.isu@gmail.com

Соколова Наталья Борисовна, младший научный сотрудник, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); snb-87@mail.ru

REFERENCES

Alekseev, A. N., D'yakonov, V. M. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 39 (3), 26–40 (in Russian).

Bazaliiskii, V. I. 2012. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 9. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 43–101 (in Russian).

Bazaliiskii, V. I., Livers, A. R., Khaverkort, K. M., Pezhemskii, D. V., Tyutrin, A. A., Turkin, G. V., Veber, A. V. 2006 In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 4. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 80–103 (in Russian).

Bazaliiskii, V. I., Teten'kin, A. V., Kharinskii, A. V. 2016. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Istoriiia (History) 16, 8–27 (in Russian).

Berdnikov, I. M. 2010. In Medvedev, G. I. (ed.) *Evraziiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya (Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology, Anthropology)*. Irkutsk: "Ottisk" Publ., 123–127 (in Russian).

Berdnikov, I. M. 2018. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (26), 3–45. DOI:10.26516/2227-2380.2018.26.3 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Ulanov, I. V., Sokolova, N. B. 2017a. In *Stratum plus* (2), 275–300 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Rogovskoi, E. O., Lokhov, D. N., Kuznetsov, A. M., Kogai, S. A., Lipnina, E. A., Berdnikova, N. E., Savel'ev, N. A., Sokolova, N. B., Ulanov, I. V. 2017b. In *Evraziia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures)* 6, 220–230 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Goryunova, O. I. 2022. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (40), 3–11. DOI: 10.26516/2227-2380.2022.40.3 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Krutikova, K. A., Dudarek, S. P., Berdnikova, N. E., Sokolova, N. B. 2020. In Bychkov, I. V., Kazakov, A. L. (eds.) *Aktual'nye problemy nauki Pribaykal'ya (Topical issues of the science of Baikal region)*. Irkutsk: Irkutsk State University, 15–20 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Goryunova, O. I., Novikov, A. G., Berdnikova, N. E., Ulanov, I. V., Sokolova, N. B., Abrashina, M. E., Krutikova, K. A., Rogovskoi, E. O., Lokhov, D. N., Kogai, S. A. 2020. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (33), 23–53. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Krutikova, K. A., Dudarek, S. P., Berdnikova, N. E., Sokolova, N. B. 2021. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* 1, 33–55 (in Russian).

Berdnikov, I. M., Makarov, N. P., Savenkova, T. M., Berdnikova, N. E., Sokolova, N. B., Kim, A. M., Raikh, D. 2023. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 51 (1), 42–51 (in Russian).

Berdnikova, N. E. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 1 (2), 156–173 (in Russian).

Georgievskaya, G. M. 1989. *Kitoyskaya kul'tura Pribaykal'ya (Kitoi culture of the Cis-Baikal)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gerasimov, M. M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) (Forensic Facial Reconstruction: Modern and Fossil Human)*. Series: Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, new series) 28. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

German, P. V., Leont'ev, S. N. 2012. In *Evraziia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures)* 1, 78–85 (in Russian).

Goryunova, O. I. 1984. *Mnogosloynnye pamyatniki Malogo morya i o. Ol'khon (Multilayered sites of the Maloe More and Olkhon Island)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Dzyubas, S. A., Abdulov, T. A., Drulis, M. V. 1996. In Medvedev, G. I. (ed.-in-chief). *Arkheologicheskoe nasledie Baikalskoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie (Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use)* 1. Irkutsk: Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage, 47–56 (in Russian).

Dolganov, V. A., Goryunova, O. I., Novikov, A. G., Veber, A. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 10 (3), 84–91 (in Russian).

Lokhov, D. N., Rogovskoi, E. O., Dudarek, S. P. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 1 (2), 116–132 (in Russian).

Marchenko, Zh. B., Grishin, A. E., Garkushin, Yu. N., Kerbs, E. A. 2022. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 50 (3), 16–28 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 25. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 7–13 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1950. *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region: Historical and Archaeological Research)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 18. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Savel'ev, N. A. 1989. *Neolit yuga Sredney Sibiri: (istoriya osnovnykh idey i sovremennoe sostoyanie problemy) (Neolithic of the south of Central Siberia (the history of the main ideas and the current state of the problem))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Savel'ev, N. A., Ulanov, I. V. 2018. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (26), 46–85. DOI:10.26516/2227-2380.2018.26.46 (in Russian).

Savel'ev, N. A., Ulanov, I. V. 2019. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (29), 38–72. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.38 (in Russian).

Savel'ev, N. A., Dudarek, S. P., Timoshchenko, A. A., Lokhov, D. N. 2020. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (34), 3–37. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.3 (in Russian).

Medvedev, G. I., Savel'ev, N. A., Svinin V. V. (eds.) 1990. *Stratigrafiya, paleogeografiya i arkheologiya yuga Srednei Sibiri (Stratigraphy, paleogeography and archaeology of the south of Central Siberia)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Ulanov, I. V. 2022. *Drevnee goncharstvo yuga Baykalo-Eniseyskoy Sibiri: kul'turnye i tekhnologicheskie traditsii (Ancient pottery in the south of Baikal-Yenisey Siberia: cultural and technological traditions) Vol. II*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Irkutsk (in Russian).

Yanshina, O. V. 2021. *Perekhod ot paleolita k neolitu v Kitae (Transition from Paleolithic to Neolithic in China)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Moussa, N. 2015. In *Maternal and paternal polymorphisms in prehistoric Siberian populations of Lake Baikal*. PhD. dissertation. Edmonton (in English).

Tarasov, P. E., Bezrukova, E. V., Müller, S., Kostrova, S. S., White, D. 2017. In Losey, R. J., Nomokonova, T. (eds.). *Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal*. Mainz (DE): Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 15–26 (in English).

Weber, A. W. 2020. In *Archaeological Research in Asia* 24, 100222 (in English).

Weber, A. W., Link, D. W., Katzenberg, M. A. 2002. In *Journal of Anthropological Archaeology* (21), 230–299 (in English).

Weber, A. W., Beukens, R. R., Bazaliiskii, V. I., Goriunova, O. I., Saveliev, N. A. 2006. In *Radiocarbon*. Vol. 48, no 1, 127–166 (in English).

Weber, A. W., McKenzie, H. G., Beukens, R. 2010. In Weber, A. W., Katzenberg, M. A., Schurr, T. G. (eds.). *Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia: Bioarchaeological Studies of Past Lifestyles*. Schurr. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 27–49 (in English).

Weber, A. W., Schulting, R. J., Ramsey, C. B., Bazaliiskii, V. I., Goriunova, O. I., Berdnikova, N. E. 2016. In *Quaternary International* 419, 74–98. DOI:10.1016/j.quaint.2015.12.003 (in English).

Weber, A., Bronk Ramsey, C., Schulting, R. J., Bazaliiskii, V. I., Goriunova, O. I. 2021. In *Archaeological Research in Asia* 25. Art. n. 100234. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100234 (in English).

About the Authors:

Berdnikov Ivan M. Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University. Karl Marx St., 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation; geoarch.isu@gmail.com

Sokolova Natalia B. Irkutsk State University. Karl Marx St., 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation; snb-87@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.